

Бог все видит

(Окончание. Начало на стр. 1)

Счастливые детство

22 года назад ничего подобного не было. Право на труд чередовалось с правом на отдых. Молодежь отставной морячок Владимир Алексеев поехал в Крым и познакомился там с молодой медсестрой Ниной. У Владимира, правда, успел прогуляться по темне армейской стригущий лишай, но впрочем, морячок он был хоть куда, и поэтому решили они с Ниной пожениться, устроить себе счастье, а государству новых граждан побольше, защитников и работников.

Родился сын Игорь. Нина отдала его в детский сад, и почти сразу же мальчик там заболел дизентерией. Нине пришлось несколько недель пролежать с сыном в больнице, видя, как малыш стоит прямо на границе этой счастливой котормской советской жизни и непонятной, не объясняемой съездами КПСС смерти.

Нина тогда решила никому больше не отдавать детей, самой сидеть дома, рожать, кормить, растить. И, надо сказать, это хорошо у нее получалось. Дети росли здоровыми, крепкими, умными и дружными. Рождались в среднем раз в два года. Папа работал. Неизвестный и никогда не виданный доллар стоил шестьдесят копеек. Копить, конечно, не получалось, но на жизнь хватало.

Потом началась перестройка и исчезли продукты. Детей у Алексеевых к тому времени было уже восемь. Прибавление одного-двух рт ничего не меняло в семейном бюджете, и Нине, если честно, было проще рожать, чем делать аборт или даже предохраняться. Однако же в начале 90-х ее беспокойство о том, чем кормить детей, переросло в веру в кого-то сильного и большого, кто никогда не даст ее малюткам плакать от голода.

Какой-то случайный человек объяснил Нине и Владимиру, что этот Сильный и Большой — Бог. Они тихие люди. Скромные и застенчивые. Беспокойство за детей не может превратиться у таких людей в агрессию, и поэтому превра-

щается в веру. Вера предписывает им покоряться судьбе, а судьба у них — безжалостна.

Лишние дети

Сначала Владимир Фокеевич каждый год на Рождество наряжался Дедом Морозом и дарил детям подарки. Девятый в семье Алексеевых сын Ярослав Деда Мороза еще помнит.

Мы сидим на высокбленной дощича алексеевской кухне, Ярослав рассказывает, и, глядя на стоящего в дверях Владимира Фокеевича, я понимаю, какая у Деда Мороза была растерянная улыбка.

— Так значит,— говорю,— есть Дед Мороз?

— Обязательно,— отвечает Ярослав.

— А какой он?

— Белый.

— А почему не приходит?

— Не может.

На самом деле Дед Мороз пропал, потому что пропала работа. Из человека, кормившего своим трудом бедную, но счастливую семью, Владимир Фокеевич превратился в нищего. Научился ходить в собор и кланяться пособия. Поджидать у ворот директора мукомольного комбината и выпрашивать на бедность мешок муки.

Просил, просил, просил. Иногда получал подачки, но чаще чиновники отвечали многодетному отцу со свойственным им здравым смыслом:

— А вы зачем столько рожали? Сдерживаться надо как-то. Или аборт делать.

— Странные вы,— отвечал Владимир Фокеевич,— люди. По-вашему, если бы я убил десять человек, жил бы хорошо, а если я этих десятых родил и вырастил, за это все десятеро должны голодать?

Наконец, то ли руководствуясь какими-то законами, то ли просто чтоб отстал, городские власти выдали Алексееву две квартиры общей площадью сто с чем-то метров. Попробуйте-ка разместить семнадцать человек на ста метрах.

И тогда Алексеев решил сыграть на банк. Он продал две эти квартиры и на вырученные деньги стал строить дом. Дом! Человеку ведь не нужны деньги, человеку нужен дом. Если бы он построил

Для тех, кто решил помочь семье Алексеевых

1. Достройка дома — 341 тыс. руб.
2. Трактор «Беларусь» — 150 тыс. руб.
3. Микроавтобус «Газель» — 87 тыс. руб.
4. Холодильник — 8 тыс. руб.
5. Две коровы — 10 тыс. руб.
6. Бычок — 2,5 тыс. руб.
7. Пять поросят — 1,5 тыс. руб.
8. Две швейные машинки — 8,7 тыс. руб.
9. Стиральная машина — 7,5 тыс. руб.
10. Два телевизора — 7,5 тыс. руб.
11. Одежда и обувь (размеры в фонде).

дом, ему уже не понадобилась бы работа. Он трудился бы на земле и худо-бедно содержал бы свою полуголодную, но счастливую семью. А в городе Костроме, где не работает ни одна собака, появился бы оазис какого-то православно-общинного труда и благочестия.

Только ничего из этого не получилось. Деньги за свои проданные квартиры Алексеев взял рублями. В Костроме до сих пор не принято расплачиваться друг с другом долларами, про которые все помнят, что они стоят шестьдесят копеек.

А потом случилось 17 августа. И вместо целого дома удалось построить только половину. То есть стены, крышу, двери. Остальное все ушло на оплату политических игр.

У Алексеевых нет телевизора, и о смене правительства они узнали только к началу сентября. А еще через месяц поняли, что эта лиджачно-галстучная московская власть стоила им дома, хлеба, картошки и ягод, которые можно застести на целый год для пятнадцати детей, будь у тебя дом.

Строители выставили им новые счета, разворовали кирпичи и брус, бросили работу, а потом наступила зима. Алексеевы стали жить во временной полугалстучной квартире на Профсоюзной улице. Дети здесь спят по трое-четверо на двухъярусных нарах, и гостей здесь угощают пустым чаем.

Как раз в это время Алексеевых позвали на праздник. Собесосский какой-то праздник для многодетных семей. Но и к нему девочки готовились, как к балу. Штопали гу-

манитарные платица, причесывались, завязывали банты.

В убогом зале местного дома культуры сцена была очень маленькая. Какой-то дядька в пиджаке приглашал из зала многодетные семьи по очереди, поздравлял их с тем, что они многодетные, и дарил копеечные подарки.

— Вы пойдете в конце,— сказали Алексеевым.— А то вас очень много.

Они смотрели, как выходят на сцену семьи, где детей трое-четыре, и мечтали, что вот выйдут все вместе... И пусть люди посмотрят, как их много, и какие они красивые, несмотря на бедность.

Потом какая-то женщина от оргкомитета подошла к Нине Сергеевне и сказала, чтоб та вышла на сцену одна, без детей.

— Вас слишком много,— сказала женщина.

И Нина Сергеевна испугалась, что сейчас дети услышат это слово «слишком» по отношению к себе и почувствуют себя лишними. Дети, конечно, и услышали, и почувствовали.

Нина Сергеевна вышла на сцену одна. Ее поздравили с чем-то и сунули какую-то игрушку. Одну.

— На всех не хватило,— сказал дядька в пиджаке.

И Алексеевы пошли домой, и девочки всю дорогу плакали, и потом дома плакали за ужином, и еще плакали ночью. А папа и мама объясняли им, что они не лишние, что лишние детей не бывает, что они и дальше будут рожать, сколько Бог даст.

А на утро Владимир Фокеевич написал письмо в Российский фонд помощи, и вот я приехал.

Испытание

Мы едем в недостроенный дом. В такси, нанятом мною, кроме меня еще Владимир Фокеевич и трое его детей. Денис шестнадцати лет, Настя — пятнадцатилетняя, и еще кто-то из малышей, которые все утро так юлили под ногами, что я путаю их имена.

— Что же это за Бог у вас такой,— спрашиваю,— что дает детей, но не дает на них хлеба?

— Надо терпеть,— отвечает Владимир Фокеевич.— Господь посылает нам испытания и надо терпеть.

— Хорошенький же вы,— говорю.— Иов. Я бы если б меня кто-нибудь так испытывал, прежде всего разозлился.

Мы бродим по недостроенным комнатам. И тут вдруг я понимаю, что Бог, если Он есть, испытывает не Владимира Фокеевича Алексеева и не жену его Нину Сергеевну — а меня.

Сколько еще (хочет узнать Бог, если Он есть) ты, сытый журналист из Москвы, сможешь смотреть, как пятнадцатилетняя девочка едет в пустой хлеб, а их отец, здоровый и молодой еще мужик, не может найти работу в мертвом городе и накормить их? Сколько еще будешь умичать о способах контрацепции, вместо того, чтобы помочь, чем можешь?

Я заталкиваю детей в машину, беру к первому магазину, покупаю самую большую коробку конфет и дарю малышу. Господи! Он смотрит на меня с такой благодарностью, что я не выдерживаю взгляда.

Люди! Чтобы достроить дом, семье Алексеевых нужно столько денег, сколько на многих из вас стоит пиджак. На покупку коровы хватало бы того, что вы вчера оставили слесарю за ремонт автомобиля. И ведь пятнадцатилетняя девочка, стали бы пить молоко, вкус которого забыли.

Прошу вас, подумайте, это же дети. Помогите им жить и трудиться на своей земле. Помогите, чем можете. С этого момента Бог, если Он есть, испытывает вас.

«Это письмо — моя последняя надежда...»

Из почты фонда

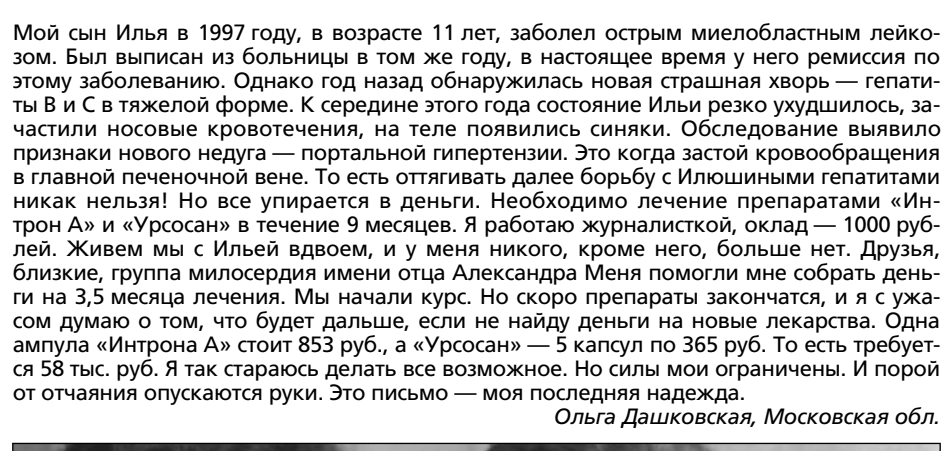
Моему сыну 35 лет. Полжизни Алексей тяжело болен ревматоидным полиартритом. Это началось в 18 лет, и с тех пор болезнь все прогрессирует. Мы прошли многие клиники Москвы и России. Алексей, оптимист по натуре, и сейчас не перестает верить, что все еще наладится. Однако с начала 90-х он уже не может самостоятельно передвигаться — вообще сесть, встать. И тогда было решено протезировать ему тазобедренные суставы. Это очень дорогое дело. Но, к счастью, пришли на помощь родные, друзья и Минздрав РФ. Оказалось, теперь нужна замена и коленных суставов. Врачи настоятельно рекомендуют коленные эндопротезы американской фирмы «Зиммер». Однако стоимость обоих протезов \$4554,92, и это не по карману ни мне с родными и близкими, ни Минздраву РФ. Знаете, такое отчаяние накатывает. Но меня спасает высокий дух и оптимизм Алеши. От него ушла жена, но их мальчик, мой внук, остался с нами. Вот так и живем на три пенсии (мы с мужем пенсионеры). Понимаю, в вашем фонде много просьб от нуждающихся. Но больше мне обратиться не к кому.

Ирина Суворова, г. Москва

«Без протезов ему не подняться,— подтвердил лечащий врач Алексея Андрей Логунов из 13-й горбольницы.— Но если протезовать колени, то, по крайней мере, 15 лет он гарантированно будет ходить». Для лечащего врача г-н Логунов удивительно много знает об Алексее: «Этот будет бороться до последнего. У него и пальцы рук затронуты артритом, так он и скрюченными локтями читает радиоприемники и часы, ремонтирует браслеты и цепочки. Сын в нем души не чает».

Мой сын Илья в 1997 году, в возрасте 11 лет, заболел острым миелобластным лейкозом. Был выписан из больницы в том же году, в настоящее время у него ремиссия по этому заболеванию. Однако год назад обнаружилась новая страшная хворь — гепатиты В и С в тяжелой форме. К середине этого года состояние Ильи резко ухудшилось, зачастили носовые кровотечения, на теле появились синяки. Обследование выявило признаки нового недуга — портальной гипертензии. Это когда застой кровообращения в главной печеночной вене. То есть отталкивать далее борьбу с Иллиными гепатитами никак нельзя! Но все упирается в деньги. Необходимо лечение препаратами «Интра-А» и «Урсосан» в течение 9 месяцев. Я работаю журналистикой, оклад — 1000 рублей. Живем мы с Илей вдвоем, и у меня никого, кроме него, больше нет. Друзья, близкие, группа милосердия имени отца Александра Меня помогли мне собрать деньги на 3,5 месяца лечения. Мы начали курс. Но скоро препараты закончатся, и я с ужасом думаю о том, что будет дальше, если не найду деньги на новые лекарства. Одна ампула «Интра-А» стоит 853 руб., а «Урсосан» — 5 капсул по 365 руб. То есть требуется 58 тыс. руб. Я так стараюсь делать все возможное. Но силы мои ограничены. И порой от отчаяния опускаются руки. Это письмо — моя последняя надежда.

Ольга Дашковская, Московская обл.

Здоровье Илюша теперь зависит только от денег на лекарства

Сейчас Илюша учится в восьмом классе, увлечен биологией и физикой. Как нам заявила его лечащий врач Елена Нур-Мухамедова (НИИ детской гематологии), по заболеванию крови у мальчика хороший прогноз. Его основная проблема сейчас — это печень, гепатит. Оптимальный устойчивый эффект достигается как минимум за 9 месяцев лечения. Только потом станет ясно, следует ли продолжать лечение и насколько.

Случайно услышала о вашем фонде из разговора двух женщин. Я в детстве переболела полиомиелитом, одиннадцать месяцев от роду получила паралич ног. Мама возила меня по санаториям и клиникам, в результате я стала немного двигаться. Раньше я жила в Киргизии, в городе Оше. Благодаря вмешательству газеты поступила во Фрунзенский политехнический институт (инвалида 2-й группы не хотели принимать). По окончании почти 20 лет работала инженером-проектировщиком. В 92-м родила дочку, а через год пришлось уехать из Оша. В Тульской области муж устроился сварщиком, получили комнату в общежитии. А мне устроиться не удалось. Вскоре муж надорвался на работе и после серии операций теперь дома. Живем на мою пенсию. И вот просьба: помогите приобрести швейную машинку и оверлок. Честное слово, шью я хорошо, у мамы была машинка, я всему научилась. Буду перешивать старые вещи для семьи — люди иногда приносят мне добротную одежду. Да и надомнической смогла бы работать на местном предприятии «Надежда». Платят там немного, но заработок верный. Спасибо, что вы есть.

Гордова Наталья, Тульская обл.

Пока мы готовили письмо к печати, Наталью Владимировну постигло большое горе: скончался муж. По словам начальника отдела облдепартамента соцзащиты Любови Гордовой (она — однофамилица автора письма), «смерть вызвала у Натальи сильный шок. Видимо, очень сильно любила». Положение семьи оценивается как крайне тяжелое: «Мама с семилетней Светой нуждаются буквально во всем. Переезд из Киргизии и без того серьезно подкосил их бюджет, а тут еще такое горе. Швейная машинка, оверлок да ткани на первое время, вообще созидательный труд стал бы для Натальи просто спасением».

Пишет вам Щербаков Виктор Михайлович. Дело вот в чем. В этом году в нашу сельскую библиотеку не выписали ни одного журнала, ни газеты. Про новые книги уж и не говорю. Их уже года три не завозят. А старые до дыр зачитаны. А у нас в селе двести дворов! Много детей. Да и с окрестных деревень люди приходили за книгами и журналами с газетами полистать. Сами знаете, какие теперь доходы у рядового сельского жителя. Зарплаты мизерные, но и те по году не дают. Выписать газету нам не по карману. А узнать из печати и происходящем в стране и мире все равно ведь хочется. Разве печатное слово с телевизором сравнится! Над газетой же помозговать можно. Раньше нашу библиотеку дотировал райцентр. Но там финансы нынче совсем захирели. И вот единственный наш очаг культуры потихоньку угасает. Наш библиотечар Лилия Сергеевна Аскаленок вечера тематические проводит, организует книжные выставки и дни поэзии. Бьется, словом, как может. Она из той русской интеллигенции, которая в прошлом веке шла в народ. Но ни в какой фонд она не напишет. Поэтому пишу я. Помогите нашей библиотеке книгами, подпишите на журналы и газеты.

С надеждой, Щербаков. Смоленская обл.

Зампредседателя облкомитета культуры Ольга Чернова очень хвалила Лилию Сергеевну: «Ее библиотека всегда в полном порядке и очень ухожена». Книжный фонд богат, не более трех тысяч экземпляров, но жители здесь действительно частые гости. Лилия Сергеевна упорно шлет в Смоленск заявки на новые книги, «однако денег в бюджете на эти цели нет». Подписать библиотеку на газеты и журналы можно в любом отделении связи по почтовому адресу — он есть в фонде.

Добрые люди! Прошу, помогите моему племяннику выжить и стать человеком, как все. У мальчика сложный порок сердца. Впервые его прооперировали еще в 6-месячном возрасте. Теперь ему 16 лет, а он физически не развивается. Врачи Центра имени Бакулева говорят, что надо немедленно делать операцию. Иначе умрет. Но операция стоит 77 770 рублей. У нас таких денег нет. Он не может долго ходить. Сразу сильно устает. Он так слаб, что не может поднять 1 кг. Его мама, моя старшая сестра, сама учительница, водила его в школу только первые два года. Но ему там было тяжело, и она учила его прямо дома. Отец мальчика умер два года назад. Сейчас они живут со мной в Москве (я работаю на стройке). Мальчик отлично играет в шахматы и хорошо разбирается в компьютере. Помогите его спасти!

Намазов Адалат Гасан-оглы, г. Москва

Как нам сообщили в НЦ имени Бакулева, это парнишку из Азербайджана по имени Джанхангир Назим-оглы Джабаров здесь знают уже 16 лет — первую операцию по спасению мальчика выполнили именно здесь. Его состояние действительно крайне опасное. Без оперативной помощи Джанхангир долго не протянет. Если найдутся деньги, его прооперирует член-корреспондент РАМН Владимир Подзолков, один из лучших в России детских кардиохирургов. Счет на операцию из НЦ есть в фонде.

У меня 1-я группа инвалидности, я учусь на 5-м курсе Челябинского госуниверситета. Мне очень нужен компьютер. Пожалуйста, поверьте — не для забавы. Я учусь заочно на бухгалтера. С компьютером я бы уже сейчас нашел себе приработок! А завтра он станет моим главным инструментом в жизни. В моем положении он повисил бы шансы найти работу. Уже сейчас компьютер помог бы связываться с университетом, получать задания и консультации. Вообще бы вывел мой мир из четырех стен квартиры. Мы с родителями (они пенсионеры) задумали эту покупку еще давно. Но кризис в августе 1998 года перечеркнул мечту. Все накопления растворились в повседневной жизни, и самостоятельно нам ни за что не скопить денег.

Андрей Перминов, Челябинская обл.

Такие инвалиды называют себя колясочниками. Без инвалидной коляски Андрей был бы в буквальном смысле заперт в четырех стенах своей квартиры. Но и в коляске не больно-то разбежишься. Но Андрей твердо намерен сам зарабатывать себе на жизнь. Он студент единственного в России Центра по обучению инвалидов при Челябинском университете. Работу инвалидами в городе, где живет Андрей, найти непросто. И компьютер купить негде. Зато можно купить в Челябинске, но как минимум «пентий»-400. Такой компьютер с принтером там обойдется в 21 тыс. руб. Разумеется, Андрей студит аппарат слабее и подешевле. Заманчива идея облуправления соцзащиты Людмила Новикова (она по нашей просьбе проверила письмо Андрея) гарантирует доставку техники Перминовым.

Тайна вклада московских столоначальников

Акция помощи наших читателей жертвам терактов удалась

Говорят, время лечит и учит. Ученые, правда, еще спорят. А третий человек с улицы привычно замечает: может, оно и так. Но это смотря кого, где и от чего. Эхо осенних взрывов, потрясших российские города, теперь и впрямь вспоминают разве что в полемическом западе дискуссий о тактике и стратегии чеченской кампании. Горе и боль от терактов, погубивших многих, покореживших других ни чем не повинных людей, заслоняются в общественном сознании все новыми жертвами на Северном Кавказе. И чиновное сословие, для которого, как и для всех, те взрывы были что снег на голову, постепенно приходит в себя от небывалого аврала по организации помощи, грубо поломавшего размеренный ход службы.

Хотя понятно, что сотни людей, переживших те осенние трагедии, еще долго будет обследовать и та боль, и то горе. Но в этом общественном процессе, где вперемешку чья-то беда, подвиги и чиновничьи игры, встречаются удивительные явления. Они свидетельствуют: несмотря ни на что, мы едины и живы среди нас любовь и сострадание. Только к началу декабря прекратились звонки сограждан в наш Российский фонд с предложением помощи тем пострадавшим. То есть звонили в течение двух с половиной месяцев! Не знаю, как вам, а для меня это верный признак здоровья читателей.

Напомним, 16 сентября и 7 октября мы опубликовали имена людей, наиболее пострадавших от терактов, и их банковские реквизиты. К тому времени в средствах массовой информации уже были распространены общие спецсчета, на которые местные власти предлагали слать пожертвования. Но мы ушли от этой схемы. Мы дополнили ее своей — в соответствии с пожеланиями читателей «Коммерсанта» и принципами Российского фонда помощи. Читатели требовали конкретные имена попавших в беду людей, отказываясь «помогать в котел». А фонд традиционно давая возможность одним частным людям помогать другим, и тут не стал поступать по принципам.

Но если обычно никаким проблем с именами и реквизитами нуждающихся у нас не возникает (в фонд сотнями идут письма со всей России), то на этот раз именны списки пострадавших еще предстояло составить. И мы тогда обратились в московские и волгодонские органы соцзащиты. Волгодонск выслал списки буквально через три дня. А вот с московскими соцзащитами фонду повезло меньше. Понадобилось три недели перепалок, выяснений отношений и даже официальный запрос через газету, чтобы, наконец, заполучить скорбный перечень.

Так и не возьму в толк, что больше тогда поразило чиновников Южного и Юго-Восточного округов столицы. Наша «наглость» с какой стати госорган обязан кому-то, насквозь общественному, составлять какие бы то ни было списки? Или несанкцио-

Утро после взрыва. Понедельник, 13 сентября с. г. Москва, Южный округ, Каширское шоссе

нированные наверху желания читателей объявлено же, уважаемые господа-благотель: вот котел, в него и жуть изумление! В памяти осталось лишь впечатление окрестных столоначальников. По-моему, они так ничего и не поняли. А списки выдали, потому что сверху указали. Впрочем, это уже догадки.

Но вот списки, хоть и поздно, но опубликованы. И читатель многократно откликнулся (об этом чуть ниже). И не стоило бы сейчас вспоминать всю ту бюрократическую возню. Если бы она не получила продолжение. Если бы в эту возню не оказались вовлечены те самые несчастные люди, ради которых все и затевалось.

Вот что произошло. Получив списки, мы сами открыли в ближайшем отделении Сбербанка лицевой счет каждому из именных банков и попросили окружные управленческие соцзащиты вручить сберкнижки пострадавшим. Когда к нам явился первый гражданин, не принятый сберкассой по причине несоответствия фамилии в паспорте и сберкнижке, мы решили: недоразумение. Ну, поспешили в округгах, ну, единственная ошибка, чего не бывает. И быстро все уладили. Когда же прибыл второй обиженный, пришлось объясняться в Московском Сбербанке. Нам порекомендовали непременно запрашивать у каждого «несоответствующего» справку из окружного управленческого аппарата, которое составляли злополучные списки. То есть справку о том, что он — именно он, а вовсе не какой-то аферист. То есть тем самым людям, которым и без того досталось лихо, предлагалось еще разок побегать. Как выяснилось, почти у каждого десятого москвича (!) из обоих округов выявились ошибки либо в фамилии, имени, либо в отчестве. (То есть после многолетних тяжб вокруг московской прописки, выясняется, что учет москвичей еще и дурно налажен?) Граждане безропотно соглашались еще на один круг хождений. Самое удивительное в этой безобразной истории даже не то, что первые же из них нарвались на отказ в своих округах. Самое удивительное, что тогда работники филиала № 5282/0646 Войковского отделения Сбербанка (заведующая г-жа Лобарева) пошли нам навстречу и довольствовались лишь письмами фонда типа «исправленному верить». За что им отдельное спасибо!

Сбербанк, как водится, мертвой хваткой хранит тайну вкладов. Поэтому сколько-нибудь точные цифры пожертвований мне неизвестны. Известно, в сущности, немного. Но оно радует. Речь идет о нескольких миллионах рублей для московских и о двух с половиной миллионах рублей для волгодонских пострадавших. В нашей акции участво-

вали сотни частных предприятий, тысячи частных лиц. Абсолютное большинство никак не отделилось в фонде по этому случаю. Что нам привычно. (Хотя и жал!) И все же несколько организаций нам известны (называю их с их согласия). Это Многоотраслевой научно-производственный экспериментальный комплекс (Волгоград); Русский коммерческий банк (Цюрих, Швейцария); ООО СКРАП (Санкт-Петербург); ЗАО «Форс холдинг»; ООО «Ферросплавы»; ТД ОМА-ТЕК; ООО «Регион Папир»; организация «Нитровзрыв»; КБ «Газпромбанк»; Исток-Аудио Интернэшнл; ООО «Грант-Сервис»; радиостанция «Наше радио»; ООО «Мультигрупп Дайнемикс»; ЗАО «Новый мыловар»; инвестиционная компания «Русские фонды»; АКБ «Электроника»; банк «Глобэкс»; представительство Microsoft; Темп-банк; «Сибнефть»; «Глория Джинс»; ЗАО КДС; Расчетная палата ММВБ; «Праймсталь»; компания «Солитон»; фирма «Стройкомплект»; компания «Интермедсервис»; «Электрон» (все — Москва).

Так что стоит ли сожалеть о том, что мы доставили столько хлопот управлению соцзащиты обоих московских округов? И хватит об этом. Лучше прочтите вот это: «10.12.99. От имени пострадавших выражаю сердечную благодарность и признательность Российскому фонду помощи, редакции газеты «Коммерсантъ» и всем-всем, кто откликнулся на Вашу просьбу о помощи волгодонцам. По возможности прошу Вас передать огромное спасибо каждому, кто оказал помощь горожанам. С уважением, глава Волгодонска С. В. Горбунов».

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма-просьбы и после тщательной проверки публикует их в газете «Коммерсантъ» и журнале «Домовой». Если вы решили поддержать оказавшихся в беде людей — звоните в фонд, получаете их адреса, банковские реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50. Российский фонд помощи. Тел./факс: (095) 158-69-04, 943-91-35. E-mail: gfr@kommersant.ru